

ББК ТЗ (2)622.9-476

В СОСТАВЕ ВЕРМАХТА И СС: КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ КАЗАЧЬИ ЧАСТИ¹

Е. Ф. Кринко

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается создание, состав и боевой путь казачьих формирований Третьего рейха. Автор проанализировал причины перехода части казаков на сторону противника в годы Великой Отечественной войны, дал оценку их общей численности.

Ключевые слова: казачество, коллаборационизм, вермахт, Великая Отечественная война, Вторая мировая война.

Одной из наиболее болезненных проблем истории казачества является его участие в Великой Отечественной войне на стороне Германии. В советской историографии она не получила соответствующего отражения, а численность казачьих частей и соединений Третьего рейха существенно приуменьшалась. Хотя в последние десятилетия появился ряд публикаций на данную тему, в ее изучении сохраняется еще немало дискуссионных вопросов, включая судьбу отдельных формирований, причины перехода части казачества на сторону вермахта, ее общую численность, а также то, какую долю в ней составляли потомственные казаки.

Многие казаки-эмигранты с воодушевлением восприняли нападение Германии на СССР, ожидая скорого возвращения на родину. Однако этим надеждам было не суждено осуществиться: политические цели нацистов не предусматривали ни сохранения единой России, ни создания на ее месте новых независимых государственных образований. Министерство по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга планировало выделить населенную казаками территорию между Доном и Волгой в особый полуавтономный район, но вскоре отказалось от этой идеи. Земли донских казаков предполагалось включить в состав имперского комиссариата «Украина», кубанских и терских – комиссариата «Кавказ».

Но провал «блицкрига» вынудил немецкое командование пойти на создание вооруженных частей из жителей России. Казаки при этом рассматривались не только как прирожденные воины, но и как наиболее убежденные борцы с большевизмом. Первые коллаборационистские казачьи части на оккупированной территории СССР появились по инициативе отдельных командиров вермахта. Первоначально создавались небольшие подразделения – сотни и эскадроны для охраны тыла действующей армии и борьбы с партизанами. Осенью 1941 г. для этих целей было сформировано при всех группах армий на Восточном фронте по одной казачьей сотне.

Первую относительно крупную казачью часть сформировал в Могилеве из военнопленных бывший майор РККА, командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии Иван Никитич Кононов – по происхождению донской казак из станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа, в августе 1941 г. перешедший на сторону противника с частью бойцов. К сентябрю он командовал 102-м (позже – 600-м) дивизионом из трех казачьих эскадронов, трех пластунских рот, минометной и артиллерийской батарей. Общая численность дивизиона составляла 1799 чел., в том числе 77 офицеров, 201 урядника и 1521 казак. По словам перебежавшего к партизанам А.Ф. Малофеева, большинство казаками не являлись, и тогда «им

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

объявили, что всех не казаков делают казаками, а после войны поселят на Дону и присвоят казачье звание» [1]. В 1942–1943 гг. дивизион Кононова вел борьбу с партизанами в районах Бобруйска, Могилева, Смоленска, Невеля и Полоцка, используя самые жестокие методы. По признанию представителя немецкого командования майора Г.А. Риттберга: «Мы сжигали населенные пункты, расстреливали, как партизан, обнаруженное в лесах население, арестовывали и частично уничтожали лиц, заподозренных в связях с партизанами» [2].

В феврале 1942 г. началось формирование казачьих частей в Винницком лагере военнопленных. 18 июня их перевели в Славуту, куда стали направлять всех советских военнопленных, признавших себя казаками. К 28 июня здесь находилось 5826 казаков из лагерей Ковеля, Дарницы, Белой Церкви и других мест, что послужило основанием для принятия приказа о формировании казачьего корпуса и казачьих полков по войсковому принципу: донских, кубанских, терских и сводных. Позже штаб формирования казачьего корпуса был переименован в штаб формирования казачьих частей (начальник – бывший полковник РККА Саркисян). При штабе командующего лагерями военнопленных на Украине был организован казачий отдел с постоянным представителем при штабе формирования казачьих частей – обер-лейтенантом Рихтером, являвшимся его непосредственным руководителем [3].

6 августа сформированные казачьи части были переведены в Шепетовку, получив название Казачьей запасной бригады. В первую очередь был создан 1-й Атаманский полк под командованием подполковника барона Г. фон Вольфа и Особая полусотня, позже развернутая в сотню. В нее набирали казаков, сражавшихся в годы Гражданской войны в отрядах С. Л. Маркова и А. Г. Шкуро, а также репрессированных в годы советской власти. Затем были сформированы 2-й Лейб-казачий, 2, 3, 9-й (имени генерала Бакланова) и 10-й Донские, 4, 5, 11-й Кубанские, 6, 7, 12-й и 14-й Сводно-казачьи полки и другие части. Численность каждого полка составляла от 820 до 1150 чел., в том числе 40–50 офицеров, 80–100 урядников, 700–1000 казаков [4]. Вся служба в них была организована по образцу дореволюционных казачьих войск. Поскольку командиров не хватало, их стали набирать из военнопленных, не являвшихся казаками. В октябре были открыты 1-е Казачье имени атамана Платова юнкерское училище и унтер-офицерская школа [5]. Сформированные на Украине казачьи части охраняли железные дороги и другие военные объекты от нападений партизан. Несмотря на названия полков, доля потомственных казаков в них была не высока, как и степень боеспособности.

Дальнейшее продвижение вермахта привело к созданию новых казачьих частей. Уже осенью 1941 г. к немецким войскам добровольно присоединился казачий отряд хутора Синявского Ростовской области в 180 чел. На оккупированных территориях Дона и Северного Кавказа воссоздавалось казачье самоуправление со станичными и окружными атаманами, возрождалась религиозная деятельность. В сентябре 1942 г. в Новочеркасске с разрешения оккупационных властей состоялся казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского и его походный атаман – уроженец станицы Екатерининской полковник Сергей (Ерофей) Васильевич Павлов, активно участвовавший в Гражданской войне против большевиков и проживавший в СССР по подложным документам. Однако формирование казачьих частей на Дону затянулось до конца 1942 г. В этом сыграли свою роль оставшиеся на оккупированной территории агенты НКВД.

Тем не менее, казаки были освобождены от принудительной отправки в Германию на работу и проходили перепись в качестве отдельной категории населения. В Ростове-на-Дону казаками записалось 6 тыс. чел., в Таганроге – 500 чел. 2 октября начальник штаба Войска Донского приказал атаманам станиц зарегистрировать казачьих офицеров и добровольцев, «желавших своей казачьей доблестью честно завоевать себе

славное имя казака в составе германской армии в борьбе с большевиками»; учесть строевых лошадей, оружие, седла, обмундирование, амуницию и по возможности провести «самообмундирование» в казачью форму, присвоив каждому казаку последний чин или звание по должности в добровольческой или дореволюционной армии. На атаманов возлагалась личная ответственность за качественный подбор добровольцев [6].

На Кубани командование группы армий «А» 1 октября 1942 г. создало автономный I показательный Уманский (бывший Ейский) отдел Войска Кубанского. Его атаманом стал уроженец станицы Староминской бывший член Кубанской Рады, раскулаченный в период коллективизации Трофим Сидорович Горб. Отдел включал 6 районов Краснодарского края с населением в 160 тыс. чел. Здесь разрешалось ликвидировать колхозы, предоставлялась свобода образовательной, культурной и религиозной деятельности. В будущем автономный район предполагалось реорганизовать в атаман-губернаторство [7]. Несмотря на несогласованность данного решения с чиновниками Министерства по делам оккупированных восточных территорий, оно было утверждено 5 ноября 1942 г.

Из казачьих сотен, сформированных при 17-й немецкой армии на Кубани, был создан казачий полк имени донского атамана М. И. Платова. Он включал около 2 тыс. чел. и состоял из 5 кавалерийских эскадронов, эскадрона тяжелого оружия, артиллерийской батареи и запасного эскадрона. Возглавлял полк майор Эдгар Томсен. С сентября 1942 г. казаки охраняли работы по восстановлению Майкопских нефтепромыслов, занимали позиции на передовой южнее станицы Ильской, затем между станицами Даховской и Нижегородской. В конце января 1943 г. полк охранял побережье в районе Новороссийска, участвовал в операциях немецких и румынских войск против партизан, позже отражал советские десанты северо-восточнее Темрюка, а в конце мая был выведен в Крым.

Казачий полк, носивший имя своего командира – подполковника Иоахима фон Юнгшульца, был сформирован летом 1942 г. в районе Ачикулака в составе 1-й танковой армии вермахта и первоначально включал 2 эскадрона: 1-й состоял из немцев, 2-й – из казаков-перебежчиков. Затем в полк вошли две казачьи сотни из местных жителей и казачий эскадрон, сформированный в Симферополе. В конце 1942 г. полк «Юнгшулец» насчитывал 1530 чел. С сентября 1942 г. он прикрывал левый фланг 1-й танковой армии вермахта в Ногайской степи. Особенно упорный характер приняли бои в октябре против советского 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского казачьего корпуса. Обеспечивая стык между частями корпуса особого назначения «Ф» (по имени командира – генерала Г. Фельми) и 40-го танкового корпуса, «Юнгшулец» 17–19 октября сумел отбросить советские части. Советские авторы отмечали понесенные 30-й кавалерийской дивизией большие потери, не упоминая о том, что ей противостоял казачий полк вермахта [8]. 30 октября в составе 40-го танкового корпуса полк Юнгшульца отразил новые попытки советской кавалерии прорваться в направлении Ачикулака. В начале 1943 г. он отступил к станице Егорлыкской, где соединился с частями 4-й танковой армии. Впоследствии был подчинен 454-й охранной дивизии и переброшен в тыл армии «Дон».

В Ногайских степях против войск РККА действовали и другие казачьи части. Среди них 82-й казачий эскадрон есаула Михаила Загороднего, казака станицы Белореченской, включавший 340 чел., в основном, выходцев с Кубани. Из казачьих сотен, сформированных в Уманском отделе, формировался Кубанский конный полк войскового старшины И. И. Саломахи. Войсковой старшина Николай Лазаревич Кулаков, родом из станицы Ессентукской Войска Терского, потерявший ноги в боях с большевиками в годы Гражданской войны, сформировал 1-й Волгский полк (300 чел.) в районе Моздока. На Ставрополье действовали казачьи конные дивизионы при 444-й и

454-й охранных дивизиях. В станице Крымской бывший командир 1-го стрелкового корпуса РККА полковник М. М. Шаповалов, звание генерал-майора которому было присвоено уже после его сдачи в плен в августе 1942 г., формировал часть под названием «Свободная Кубань». В декабре в станице Новотитаровской возник Кубанский пластунский батальон (150 чел.) войскового старшины Маловика, ставший основой созданного весной 1943 г. в Херсоне Сводно-казачьего полка. В Новочеркасске возникли 1-й Донской полк есаула А. В. Шумкова и пластунский батальон, составившие группу походного атамана Павлова, в Белокалитвенском районе – 1-й Синегорский атаманский полк из 1260 чел. под командованием войскового старшины Журавлева. Казачьи подразделения появились и при немецких разведывательно-диверсионных группах, впоследствии часть из них объединилась в казачий полк особого назначения. Каменский и Морозовский казачьи кавалерийские батальоны участвовали в попытке деблокаирования окруженной в районе Сталинграда 6-й армии в составе боевой группы (позже – дивизии) генерал-лейтенант фон Штумпфельда.

В документах советской военной разведки упоминается о формировании в сентябре 1942 г. в Краснодаре 7-й добровольческой казачьей дивизии из 3 полков общей численностью до 5 тыс. чел. Каждый полк должен был включать по 5 сотен из 6 взводов: 3 сабельных или пехотных, 2 минометных, 1 пулеметного [9]. Современные исследователи подвергают сомнениям существование 7-й дивизии [10]. Действительно, в едином боевом порядке данное соединение никогда не использовалось. Тем не менее, очевидно стремление противника уже в конце 1942 г. объединить действовавшие в регионе антисоветские казачьи части в рамках одного соединения. В ноябре 1942 г. командующий 1-й танковой армией, а затем группой армий «А» генерал-полковник Эвальд фон Клейст поручил кавалерийскому полковнику Гельмуту фон Паннвицу сформировать и возглавить казачью дивизию. Однако советское контрнаступление в январе 1943 г. сорвало данные планы.

Вступление казаков в части вермахта во многом обуславливалось неприятием осуществлявшейся в СССР политики. Впрочем, далеко не все репрессированные и недовольные советской властью казаки оказались в рядах коллаборационистов. От сотрудничества с немцами многих оттолкнул характер оккупационной политики и патриотические чувства. Немало казаков вступало в партизанские отряды и подпольные организации, саботировало мероприятия оккупационной власти. Вопрос о соотношении тех казаков, которые пошли на сотрудничество с противником, и тех, кто оказывал ему сопротивление, пока не имеет однозначного ответа. Хакслей-Блант, ссылаясь на данные мюнхенского Института по изучению культуры и истории СССР, утверждал, что в оккупированных городах Дона и Кубани 11 % казаков выступали против немцев, 85 % – против советской власти, а 4 % были безразличными. В оккупированных селах 4 % было настроено против немцев, 87 % – против советской власти, а 9 % оставались безразличными [11]. Однако эти цифры нуждаются в доказательствах, особенно с учетом идеологической ангажированности мюнхенского института, созданного в условиях «холодной войны».

Первоначально руководство вермахта использовало методы добровольной вербовки казаков. На оккупированной территории Краснодарского края семьям добровольцев выдавалось денежное вознаграждение в 500 руб. Они зачислялись в разряд «нового казачества», получали дополнительный земельный надел в 1 га на человека и по 2 лошади на хозяйство, им в два раза снижали налоги. Холостым казакам на службе платили по 250 руб., женатым – по 300 руб. в месяц. Но незначительный приток добровольцев вынудил немецкое командование приступить к мобилизации через атаманов станиц под контролем немецких комендатур. Уклонявшиеся от службы подвергались преследованиям вместе с членами своих семей. Так удалось набрать в казачьи части молодежь 1925–1926 гг. рождения [12].

Существенное значение уделялось пропаганде, особенно в средствах печати. Для военнослужащих казачьих частей рейха предназначался целый ряд специальных газет и журналов. Опубликованные в них материалы акцентировали внимание на самобытности казачества, необходимости его совместной борьбы с германскими войсками против общего врага – большевизма, казачьих обычаях и православных обрядах. Активную роль в привлечении казаков к сотрудничеству с вермахтом сыграли лидеры казачьей эмиграции, обещавшие создание казачьего государства на Дону, Кубани и Тереке. Еще в июле 1942 г. бывший донской атаман и генерал от кавалерии П.Н. Краснов составил проект обращения А. Гитлера к казакам, опубликованного лишь 10 ноября 1943 г. за подписями В. Кейтеля и А. Розенберга. Германские руководители обещали казакам сохранение их самобытности, соблюдение прежних привилегий, неприкосновенность земельных угодий, а также обустройство казачьей жизни на востоке Европы в случае невозможности возвращения «на земли предков» [13].

В целом, все части, созданные из советских граждан, как перешедших сознательно на службу к оккупантам, так и принудительно мобилизованных, получили название «добровольческих». Значительную долю в них составляли военнопленные. Так, в лагере военнопленных № 162, располагавшемся на стадионе «Динамо» в Краснодаре, под открытым небом содержалось до 10 тыс. чел., которых ежедневно заставляли работать, избивали за малейшие провинности и не кормили, вынуждая записываться в кубанские казачьи части. Военнопленным зачитывали приказ № 270 Ставки Верховного Главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины, сообщали о победах вермахта, «захватах» Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Тбилиси и других советских городов. Чтобы спастись, назвали себя казаками и поступили на службу в вермахт многие военнопленные краснодарского лагеря № 182, не имевшие отношения к казачеству и не служившие в кавалерии [14]. Попав на фронт, они нередко стремились перейти на сторону РККА. Более надежными союзниками вермахта стали части, сформированные в казачьих станицах и из перебежчиков.

Общее руководство всеми казачьими частями в вермахте осуществлял отдел добровольческих формирований при главном командовании сухопутных войск Германии. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам восточных оккупированных территорий было создано специальное Казачье управление во главе с Н. А. Гимпелем, а в марте 1944 г. при нем возникло Главное управление казачьих войск (ГУКВ), призванное играть роль «казачьего правительства» в изгнании. Его возглавил П. Н. Краснов. Членами ГУКВ стали походный атаман казачьих войск С. В. Павлов, кубанский войсковой атаман В. Г. Науменко, походный атаман Терского войска полковник Н. Л. Кулаков. На ГУКВ возлагались отбор казаков из лагерей военнопленных и восточных рабочих и их вербовка в казачьи части вермахта, устройство казачьих семейств, стариков и инвалидов.

В условиях советского контрнаступления в 1943 г. казакам, перешедшим на сторону Германии, пришлось спешно эвакуироваться с территории Северного Кавказа вместе с отступавшими немецкими войсками. С ними уходили члены их семей и все те, кто опасался возвращения советской власти. Согласно К. М. Александрову, всего на Украину зимой 1943 г. эвакуировалось 135 850 донских, 93 957 кубанских, 23 520 терских и 11 865 ставропольских казаков, подвергавшиеся в пути интенсивным бомбардировкам советской авиации [15].

Чтобы задержать наступавшие советские войска, немецкое командование спешно формировало новые казачьи части. В боях за Новочеркасск 12–13 февраля участвовали 1-й Донской казачий полк походного атамана Павлова (900 чел.), казачий боевой отряд абвера № 201 полковника Т. К. Хоруженко (1 тыс. чел.) и еще до 2 тыс. «неорганизованных» казаков. В Ростове-на-Дону советским войскам противостоял 17-й Донской казачий пластунский полк войскового старшины Т. Г. Бударина. В

арьергардных боях участвовал отдельный казачий конный полк полковника Шведова, сформированный в апреле 1942 г. под Харьковом. На Миус-фронте против РККА сражался 1-й Донской казачий конный полк Донского атамана генерала от кавалерии графа М. И. Платова (до 1,5 тыс. чел.) под командованием полковника И. С. Луизова. В ряде работ упоминается об участии в боях к северо-востоку от Таганрога 6-го Семигорьевского казачьего пластунского полка [16], но другие исследователи подвергают его существование небезосновательным сомнениям.

Необходимо отметить, что среди непосредственных противников казачьих частей вермахта в боях за Ростов и на Миус-фронте в феврале 1943 г. находились 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские казачьи корпуса РККА. Об отношении друг к другу казаков, оказавшихся по разные стороны фронта, свидетельствуют приводимые К.М. Симоновым слова 64-летнего донского казака П. С. Куркина, старшего лейтенанта, служившего в 5-м гвардейском корпусе: «Ох, и злые мы сейчас, в эту войну, на этих немецких казаков, которые у них со значками, что добровольцы. Загнал бы их всех в Крутую балку и пожег» [17].

Всего к апрелю 1943 г. на стороне вермахта сражалось свыше 20 казачьих полков и батальонов (дивизионов) численностью от 400 до 1000 чел. каждый и большое количество мелких частей. Общая численность их составляла до 25 тыс. чел., при этом примерно половина личного состава не принадлежала к казачьему сословию и назвала себя казаками, чтобы спасти свою жизнь [18]. Другая половина в большинстве своем сознательно вступила в ряды вермахта. Один из таких сознательных коллаборационистов, С. Ларин писал отцу в конце 1942 г. из-под Сталинграда: «Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не был ни одной минуты, а пошел в германскую армию» [19].

Вскоре в среде казаков-беженцев возник раскол, поскольку Клейст поддерживал назначенных им атаманов, занимавшихся вербовкой строевых казаков в дивизию Паннвица: донского – П. М. Духопельникова, кубанского – И. И. Белого и терского – Н. Л. Кулакова. Однако основная масса казачьих групп и отрядов объединилась под началом донского походного атамана Павлова, который был признан походным атаманом всех казачьих войск. С середины лета до конца осени 1943 г. количество казаков в подчинении Павлова выросло с 3 до 18 тыс. чел. Созданное им полувоенное передвижное поселение получило название Казачьего стана.

В 1944 г. Казачий стан перебрался в Белоруссию, где немецкое командование предоставило ему 180 тыс. га в районе города Новогрудок, рассчитывая подавить здесь партизанское движение. Жизнь в Казачьем стане была организована в соответствии с казачьими традициями. Строевые части были объединены по войсковому принципу в 10 пеших полков по 1,2 тыс. чел. каждый. 1-й и 2-й Донские полки составили 1-ю бригаду полковника Силкина, 3-й Донской, 4-й Сводно-казачий, 5-й и 6-й Кубанские, 7-й Терский – 2-ю бригаду полковника Вертепова, 8-й Донской, 9-й Кубанский и 10-й Терско-Ставропольский – 3-ю бригаду полковника Медынского. В дальнейшем состав бригад и полков неоднократно менялся. Казаки обрабатывали землю, разводили скот, построили церковь, больницы и школы, вели активную борьбу с партизанами. После гибели Павлова новым походным атаманом стал уроженец станицы Мигулинской Тимофей Иванович Доманов, в биографии которого много неясного. В частности, на предварительном следствии в Главном управлении контрразведки СМЕРШ он указал, что являлся секретным сотрудником НКВД [20]. В июле 1944 г. Казачий стан через Польшу, Германию и Австрию совершил переход на север Италии. Во Фриуле, а затем в Тольмеццо казакам предоставили земельные владения, дома и привлекли к борьбе с местными партизанами. В конце апреля 1945 г. в Казачьем стане насчитывалось 31,5 тыс. чел., включая 1,5 тыс. офицеров, 16,5 тыс. рядовых и сержантов.

В апреле 1943 г. в польском городе Милау (Млаве), где находились склады снаряжения польской кавалерии, под командованием генерал-майора Г. фон Паннвица началось формирование 1-й казачьей дивизии. В нее вошли наиболее боеспособные казачьи полки Юнгшюльца, Томсена, Вольфа, Кононова и другие части, переформированные по войсковому принципу. Дивизия состояла из двух конных бригад – 1-й Донской подполковника фон Вольфа (1-й Донской, 2-й Сибирский, 4-й Кубанский полки) и 2-й Кавказской полковника фон Боссе (3-й Кубанский, 5-й Донской, 6-й Терский полки), двух конно-артиллерийских (Донского и Кубанского) дивизионов и других подразделений. Конные полки состояли из 2 дивизионов, каждый из которых включал по 3 кавалерийских, пулеметному, минометному и противотанковому эскадрону. Эскадрон насчитывал 160–180 чел., разделенных на 4 взвода (3 боевых, 1 хозяйственный), состоявших из 3 отделений. По штатному расписанию в полку насчитывалось 2 тыс. чел., включая 150 немцев. Все командиры полков, кроме Кононова, являлись немцами, в каждом эскадроне на хозяйственных должностях служили по 12–14 немецких солдат и унтер-офицеров. Всего в дивизии к 1 ноября 1943 г. насчитывалось 18 555 чел., в том числе 4049 немцев [21].

Хорошо говоривший по-русски и прекрасно сидевший в седле, Паннвиц поощрял соблюдение казачьих обычаев и проведение православных церковных служб. Все команды в дивизии отдавались на русском языке. Парадная форма была сшита по казачьему образцу, командир дивизии и другие высшие немецкие офицеры носили черкески с газырями, наборные пояса и папахи. В Милау были также сформированы учебно-запасной полк, унтер-офицерская школа и школа юных казаков для нескольких сотен беспризорных подростков. К июлю 1944 г. это учебное заведение насчитывало 450 чел., большую часть которых составляли беженцы с Кубани и Дона.

На советской оккупированной территории продолжали действовать и создавались новые казачьи части, в основном, для охраны военных и стратегических объектов, борьбы с партизанами. Так, 622, 623, 624-й и 625-й казачьи батальоны, действовавшие в районе Дорогобужа и Вязьмы, были объединены в 750-й казачий полк особого назначения во главе с майором Эвертом фон Рентельном, прибалтийским немцем, добровольно вступившим в ряды вермахта. В сентябре 1943 г. в Кракове и Львове была сформирована Отдельная казачья пластунская бригада в 500 чел. войскового старшины Духопельникова. Но ГУКВ постановил всех годных строевых казаков 18–35 лет из числа беженцев, военнопленных и эмигрантов направлять в Берлин, в распоряжение казачьего отдела Министерства по делам восточных оккупированных территорий. Оттуда они следовали в запасной полк 1-й Казачьей дивизии, где получали назначение в соответствии с профессиональной пригодностью, а не прежними чинами. Всех остальных казаков направляли в Казачий стан.

К концу 1943 г. участились переходы военнослужащих коллаборационистских формирований на сторону советских войск. Поэтому германское командование перевело большую часть данных формирований в Западную Европу. Во Франции казачьи части использовались на охране «Атлантического вала» и в борьбе против партизан. После открытия второго фронта и высадки союзников в Нормандии, а затем на юге Франции казачьи части приняли участие в боях с англо-американскими войсками. Если 570-й казачий батальон в первый же день сдался, то 454-й казачий кавалерийский полк оказал упорное сопротивление и был почти полностью уничтожен, как и эскадрон Загородного [22].

1-ю казачью дивизию немецкое командование первоначально предполагало использовать на Восточном фронте, но изменившаяся обстановка заставила перебросить ее в сентябре 1943 г. в Югославию, где активизировались местные партизаны. В междуречье Дуная и Тисы дивизия вела боевые действия с партизанами, охраняла коммуникации и другие стратегические объекты. Благодаря подвижности и

маневренности она оказалась лучше приспособлена к горным условиям Балкан и действовала более эффективно, чем немецкие пехотные и моторизованные дивизии. В течение лета 1944 г. дивизия предприняла ряд самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, уничтожив целый ряд партизанских опорных пунктов. В то же время казаки реквизировали лошадей, продовольствие и фураж у местных жителей, в соответствии с приказами немецкого командования о самообеспечении. Эти действия часто выливались в массовые грабежи и насилие по отношению к жителям деревень, подозревавшихся в пособничестве партизанам. Генерал Науменко, посетив 31 января 1944 г. 1-ю казачью дивизию и пообщавшись с ее офицерами, записал в дневнике: «...пока воюют хорошо, но стоят на первом месте по грабегам, насилиями над женщинами и дезертирствам» [23].

В конце войны соединению Паннвица пришлось сражаться против регулярных частей РККА. В декабре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта вышли в долину реки Драва, и германское командование выдвинуло навстречу им 1-ю казачью дивизию. Чтобы не допустить соединения советских и югославских войск, 2-я Кавказская казачья бригада при поддержке шести минометных и трех артиллерийских батарей 26 декабря атаковала позиции 233-й Кировоградско-Знаменской стрелковой дивизии. В ходе ожесточенного боя у Питомачи казакам удалось прорвать оборону 703-го полка и смять его боевые порядки. Чтобы избежать окружения, советские войска отошли. В дальнейшем казаки продолжали удерживать фронт против болгарских и югославских войск, а затем с боями прорвались в Австрию.

Еще до этого, в августе 1944 г. все иностранные национальные формирования Третьего рейха были переданы в ведение СС. Пополненная переброшенным из Франции казачьим полком майора фон Рентельна, казачьими батальонами из Польши и другими подразделениями, 1-я казачья дивизия 25 февраля 1945 г. была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, что улучшило ее обеспечение оружием, боевой техникой и автотранспортом. Обе кавалерийские бригады переименовывались в дивизии, практически без изменений в численности и структуре, конно-артиллерийские дивизионы – в полки, а на базе 5-го Донского полка Кононова началось формирование пластунской бригады из двух полков. Общая численность корпуса достигла 25 тыс. солдат и офицеров, в том числе от 3 до 5 тыс. немцев.

В конце войны, стремясь использовать любую возможность, чтобы предотвратить назревавший крах, германское руководство решилось объединить все части из советских граждан в Русскую освободительную армию генерал-лейтенанта А. А. Власова 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось Учредительное собрание Комитета освобождения народов России (КОНР). Поскольку П. Н. Краснов выступил против данного объединения, в противовес ГУКВ в феврале 1945 г. было создано Управление казачьих войск при КОНР и Совет казачьего войска, в который вошли полевые атаманы Донского, Кубанского и Терского войск, представители оренбургских, уральских, астраханских, сибирских, семиреченских, забайкальских, амурских, уссурийских казаков. В марте 1945 г. в подчинение КОНР перешла группа генерал-майора А. В. Туркула, преобразованная в казачью кавалерийскую бригаду из трех полков, в апреле – Казачий стан, 15-й казачий корпус СС и учебный казачий полк А. Г. Шкуро. Атаман Науменко объявил о подчинении Власову кубанских казаков, а общеказачий съезд в Вировитице принял решение о подчинении всех казачьих войск КОНР, сосредоточении их в районе Зальцбурга и Клагенфурта для создания казачьей ударной армии, отстранении не согласных с этим немецких офицеров и Краснова. Походным атаманом впервые был избран иностранец – генерал-лейтенант Г. фон Паннвиц.

К середине мая 1945 г. сдавшиеся англичанам Казачий стан, 15-й казачий корпус и некоторые другие части сосредоточились на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ в Тирольских Альпах, в долине реки Дравы. Первое время казаки

содержались в относительно свободных условиях. Но по соглашению, подписанному на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., их судьба была предreshена. Англичане разоружили их под предлогом выдачи нового оружия, затем арестовали генералов и офицеров, а затем провели массовую депортацию казаков из долины Дравы. При этом несколько десятков казаков были убиты при попытке к бегству, погибли в давке, утонули или покончили с собой. Весной-летом 1945 г. в СССР были репатриированы до 50 тыс. казаков, включая не менее 3 тыс. эмигрантов, на которых ялтинские соглашения официально не распространялись. Большинство оказалось в советских лагерях, часть расстреляли по возвращении домой. В январе 1947 г. были казнены казачьи генералы П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов, Т. И. Доманов вместе с Г. фон Паннвицем и черкесским князем и генералом Султаном Клыч-Гиреем. Длительные сроки заключения получили некоторые офицеры и рядовые, остальные казаки вместе с семьями были отправлены на спецпоселение сроком на шесть лет.

Эмигрант А. С. Казанцев считал, что на стороне вермахта воевало 150 тыс. казаков [24]. Эта цифра представляется слишком завышенной. По мнению К. М. Александрова, через казачьи части на стороне противника в период с октября 1941 г. по апрель 1945 г. прошло около 80 тыс. чел., «из которых, вероятно только не более 15–20 тыс. человек не были казаками по происхождению» [25]. Наиболее вероятным представляется определение общей численности казачьих частей, воевавших на стороне противника в годы Великой Отечественной войны, в 70–80 тыс. чел., а доли потомственных казаков в них примерно в 50 тыс. чел. Поражение Германии в войне стало и поражением той части казачества, которая, вольно или невольно, связала с ней свою судьбу.

РЕЗЮМЕ

Переход части казачества на сторону противника во многом объясняется предшествующими событиями его истории. Мотивы и причины этого перехода различались, но судьбы всех казаков-коллаборационистов сложились трагично. Тем из них, кто избежал судебных преследований, пришлось навсегда расстаться с родиной. Настоящая трагедия казачества выразилась в том, что его представители воевали в годы Великой Отечественной войны и на той, и на другой стороне. Воспоминания о казаках, которые перешли на сторону противника, до сих пор сохраняют травматический характер в памяти тех, кто остался.

Ключевые слова: казачество, коллаборационизм, вермахт, Великая Отечественная война, Вторая мировая война.

SUMMARY

The transition of the part of Cossacks on the side of enemy is largely explained to previous events in its history. Motives and reasons of this transition differed, but the fate of all Cossack-collaborationist was tragic. Those of them, who avoid prosecution, had to part forever with the motherland. The real tragedy of the Cossacks manifested in the fact that its representatives had fought in the Great Patriotic War and the one on the other side. Memories about of Cossacks, who defected to the enemy side, still retain the traumatic character in the memory of those, who remained.

Keywords: Cossacks, collaboration, Wehrmacht, Great Patriotic War, World War II.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 160
2. «Казачи» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 73.

3. Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 159.
4. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 69, оп. 1, д. 862, л. 46.
5. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 684.
6. Государственное учреждение Государственный архив Ростовской области, ф. Р-3613, оп. 1, д. 446. л. 6.
7. Чуев С. Указ. соч. С. 143.
8. Гречко А. А. Битва за Кавказ. 2-е изд., доп. М., 1971. С. 197.
9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края, ф. 5372, оп. 1, д. 3. л. 13.
10. Крикунов П. Н. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. - С. 407.
11. Табунщикова Л. В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг. Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. - С. 77.
12. См. подробнее: Кринко Е. Ф. Участие казачества юга России в Великой Отечественной войне: формирование, состав и возможности комплекса источников // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. - С. 240.
13. На казачьем посту. 1943. № 14. - С. 2.
14. Воскобойников Г. Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1993. - С. 103.
15. Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сб. статей и материалов. М., 2005. - С. 78.
16. Там же. С. 71.
17. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 2. 1942–1945. М., 1981. - С. 218.
18. Дробязко С. И. Указ. соч. - С. 162–163.
19. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. - С. 294.
20. «Казаки» со свастикой. С. 73.
21. Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж, 1990. - С. 69.
22. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Указ. соч. - С. 698.
23. Науменко В. Г. Указ. соч. - С. 322.
24. Александров К. Указ. соч. - С. 118–119.
25. Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. 3-е изд. М., 1994. - С. 273.